

Винтерфелл — Артур Дейн

Стоя на своем посту, я блуждаю в мыслях о том, что значит быть членом Королевской гвардии.

Как правило, жизнь в Королевской гвардии — это сухое дело, где дни превращаются в недели, недели — в луны, а луны — в уходящие годы. Быть одним из семи означало, казалось бы, бесконечную операцию безрадостных постов с внутренним предвкушением шанса обнажить меч.

Клянусь защищать короля изо всех сил, отдать свою кровь за его.

Клянусь подчиняться его приказам и хранить его секреты.

Клянусь защищать его честь и служить в его удовольствие.

Я никогда не убегу и не споткнусь в своем долге.

Я не возьму жены, не буду владеть землями и не буду отцом детей.

Я клянусь его благодатью, моей жизнью и честью, до того дня, когда я умру.

Большинство членов Королевской гвардии были исключительны в обращении с мечом, но искусство тонкости отличало легендарных членов от глупцов.

Все мы были мужчинами из разных частей королевства, с разными связями и привязанностями. Мы были подвержены амбициям, планам и приступам гордыни, и все это отвлекало Королевскую гвардию от его истинных обязанностей.

Хотя нас боялись из-за меча и белого плаща, настоящая уязвимость заключалась в секретах, которым мы подвергались. Чтобы быть в пределах слышимости самых важных людей королевства, Королевская гвардия была посвящена в информацию и обсуждения, которые делали его уязвимым для амбициозных актеров. В большинстве случаев эти обсуждения были тривиальными, похожими на сплетни или естественные дела королевства, но были времена, когда личные слова, если бы они были раскрыты, могли привести к серьезным трениям внутри королевств или, возможно, даже к войне.

В моем положении наивность была вашим другом, и опыт привел меня к этому пониманию. Недостаток знаний помог минимизировать амбиции, что помогло мне сосредоточиться на своих обязанностях. Это был урок, который я усвоил быстро, поэтому я всегда пытался заглушить слова внутренними мыслями или разговорами с моими товарищами из Королевской гвардии.

Перед общими покоями принца и принцессы я стою высоко и гордо вместе с сиром Джейме Ланнистером. По мере приближения утра внутри и снаружи за дверями в основном наступает тишина. Внезапно внутри раздается шарканье и бормотание, заставляющее сира Джейме и меня напрягаться, ожидая, что принц выйдет на раннюю тренировку.

Подавленные голоса внезапно становятся отчетливыми, когда мы слышим крик принцессы: «Я иду с тобой! Вот и конец!» Куда они идут?

Мы с сиром Джейме встречаемся взглядами и оба приподнимаем брови.

Их разговор приглушается, так как бормочущие слова маскируются тишиной.

"Мне все равно!" — громко говорит Рейнис, нарушая тишину.

Ответа принца не слышно, но Рейнис продолжает: «Джейхейрис Таргариен, слушай, и слушай хорошенько!» О, о. — Если ты пропустишь рождение нашего малыша, клянусь Старыми и Новыми богами, я скормлю тебя Шрайкосу!

Через несколько мгновений тишины двери открываются, и я вижу принца Джейхейриса в доспехах и снаряжении, с небольшим мешком на буксире. Принцесса Рейнис следует за ним, но она в свободном платье и с одним из плащей принца на плечах. Он выглядит готовым к путешествию, а она хмурится. Ее рука в его руке, а лютоволк Джейхейриса, Призрак, практически привязан к ее бедру. Безмолвный зверь напугал меня, но знание того, что принц имеет над ним контроль, немного успокоило мои нервы.

«Здравствуйте, добрые сиры», — говорит он, прежде чем повернуться к моему товарищу из Королевской гвардии. — Сир Джейме, пожалуйста, идите и соберите кое-что из своих вещей. Мы полетим на север к Стене, когда взойдет солнце.

Недолго думая, сир Хайме кивает и направляется в свои покои, чтобы собрать свои вещи.

— Мой принц, я должен предостеречь от этого, — нерешительно говорю я. — Многие у Стены все еще верны Роберту Баратеону и желают вам обоим зла, — нерешительно говорю я.

«Не бойтесь, сир Артур, я не пойду», — с горечью говорит Рейнис. «Просто мой дурак-муж и его всегда верный прихвостень».

— Моя жена имеет на это право, сир Артур. Будут только сир Джейме и я, — отвечает Джейхейрис.

— Вы не хотите взять черное, мой принц? — смущенно спрашиваю я.

Джейхейрис усмехается, но Рейнис хмурится и говорит: «Я бы отрубил ему голову, прежде чем позволил бы этому случиться. Нет, они планируют увидеть нашего дядю Эймона, который, по-видимому, находится на смертном одре.

Я помню Эймона у Стены, с которым тогдашний принц Рейгар регулярно общался, так что я предполагаю, что это тот же человек.

— Опять же, я должен предостеречь от этого, мой принц.

«Я решил, Артур, я больше ничего об этом не слышу», — холодно отвечает Джейхейрис.

— Тогда, пожалуйста, переоденьтесь, мой принц, — умоляю я. «Возможно, ты больше похож на Старка, но твое имя и твой, ммм, дракон говорят о другом».

— Будет сделано, сир Артур, об этом позаботилась моя жена.

Через час мы оказались на террасе, наблюдая, как Джейхейрис улетает на своем драконе.

Со слезами на глазах я смотрю, как принцесса вытирает их одной рукой, а другая прижимается к ее большому животу.

«Я знаю, почему он уходит, но иногда он такой разочаровывающий дурак», — грустно говорит она. — Наверное, мой северный драк.

— В этом отношении он совсем как его мать, принцесса, — говорит приближающийся голос.

Моя рука инстинктивно тянется к рукояти меча, когда я вижу, как к нам медленно приближается маленький человечек. Я идентифицирую этого человека как Хоуленда Рида, кранногмена. Тихий, осторожный человек, он друг Старков, поэтому я не чувствую угрозы в его присутствии.

Мое тело расслабляется, когда Рейнис приветствует мужчину: «Доброе утро, лорд Рид. Я уверен, что леди Лианна никогда бы не полетела спонтанно на холодную далекую Стену, чтобы увидеть человека, которого она никогда не встречала.

Он подходит к нам и с улыбкой отвечает: «Только потому, что у нее не было дракона, принцесса».

Это заставляет нас всех хихикать и пробуждает в моей памяти воспоминания о дикой, упрямой женщине, которую я знал совсем недавно.

— Вы знали леди Лианну, милорд?

— Это я сделал, принцесса. Она была храброй женщиной, которую забрали у нас слишком рано, — отвечает он, хмурясь.

— Не могли бы вы рассказать мне немного о ней? Джею и лорду Старку очень больно говорить о ней, поэтому я отказываюсь спрашивать. Наш отец отказался когда-либо упоминать о ней, а моя семья говорит только негативные вещи, — с горечью говорит принцесса.

«Конечно, принцесса», — отвечает кранногмен. — Все знают историю о Харренхолле и, конечно же, о том, как твой отец короновал ее Королевой Любви и Красоты. Что ж, многие не знают, что ранее на турнире она защищала меня от трех оруженосцев, которые немного издевались надо мной. Как видите, я не крупный мужчина, — смеясь, говорит он. «Она напала на них с турнирным мечом, а когда они бежали, сопровождала меня в свою палатку, где очистила и перевязала мои раны. Там я познакомился с ее братьями, с двумя из которых дружу и по сей день. Позже, на турнире, она бросила вызов и выступила против трех оруженосцев в рыцарском поединке, победив их всех».

Мой разум замер, вспоминая тот судьбоносный турнир, который в конечном итоге привел к восстанию. Рейгар был откровенен в своих чувствах к ней, но никогда не разглашал подробностей их первой встречи или увлечения. Если Лианна была той, кто победил трех оруженосцев, значит, она была...

Принцесса, похоже, думала о том, кто я, и прошептала: «Она была...»

«Рыцарь Смеющегося Дерева, да», — заканчивает наши мысли Лорд Рид. «Я не знаю, что она думала об этом, но она исчезла, и в конце концов ее нашел твой отец. Как говорится, остальная часть турнира — история». О, Лианна...

«Турнир, который привел к войне», — грустно говорит Рейнис.

— Действительно, это сыграло свою роль, принцесса.

«Как и убийство Рикарда Старка и Брэндона Старка».

«Возможно, даже больше», — говорит лорд Рид. «В конце концов, война в королевствах уже

давно назревала, и ей нужен был только катализатор. Слухи о похищении Лианны были объединяющим лозунгом для мятежных сил, но, в конечном счете, требование Безумного Короля голов Роберта Баратеона и лорда Старка спровоцировало войну. Вот что привело к тому, что баннеры назвал Джон Аррен».

Услышав эту противоположную точку зрения, моя голова перекосилась, и, хотя я не должен был, я обнаружил, что не могу устоять перед тем, чтобы внимательно прислушаться к их продолжающемуся разговору.

«Ничего бы не случилось, если бы они не сбежали вместе», — отмечает Рейнис.

«Возможно, ты и права, принцесса, — с грустной улыбкой отвечает лорд Рид, — но, как известно, иногда любовь забывает о внешнем мире».

— Как вы думаете, они действительно любили друг друга, лорд Рид? Она спрашивает. Они сделали.

— Всем своим существом, принцесса.

«Тогда почему мой отец проявляет особую холодность по отношению к Джею? Судя по твоим словам, он напоминает мне, каким человеком была леди Лианна. Вопрос, который я задавал себе бесчисленное количество раз...

— Это две стороны одной медали, принцесса. Мать и сын, оба своевольные, решительные и яростно преданные тем, кого любят. Что касается вашего отца, я не могу сказать. Я думаю, что боль, которую он испытывает, глядя на принца Джейхейриса, слишком сильна для него».

— Понятно, — грустно говорит Рейнис, поворачиваясь, чтобы уйти. — Благодарю вас, лорд Рид. Этот разговор был поистине поучительным».

— Не за что, принцесса. Любые дополнительные вопросы, которые у вас есть, все, что вам нужно сделать, это задать», — отвечает он, склонив голову.

— Я буду иметь это в виду, милорд.

Гостиница на перекрестке — Ашара Дейн

Путешествие по Королевской дороге было утомительным и скучным.

Время превратилось в иллюзию, а рубка, которую я занимал, превратилась в унылую тюрьму. К счастью, король принял решение остановиться в гостинице на перекрестке на ночь, прежде чем продолжить наше путешествие на север. Я с нетерпением ждал возможности поспать в удобной постели, хотя бы на одну ночь, прежде чем начнется последняя часть нашего путешествия.

Большая часть нашей организованной процессии расположилась лагерем недалеко от гостиницы, в то время как дворяне и дамы занимали свободные комнаты. После долгой ночи, когда все погрузились в свои чашки, большинство обитателей направились спать.

Я обнаружил, что сижу снаружи на скамейке, наслаждаясь прохладным ночным воздухом, когда начинаю слышать пение неподалеку. Вставая, я иду в этом направлении, любопытствуя, откуда исходит мелодичный звук. Подойдя ближе, я понимаю, что голос легко узнаваем, но в нем также прослеживается явная боль. Когда я приближаюсь к королю, я нахожу его сидящим

на скамейке, едва видимым в темноте, с его головой в руках. Он начинает знакомую песню, и вы чувствуете, как его отчаяние пронзает каждое слово.

Высоко в залах королей, которые ушли

Дженни будет танцевать со своими призраками

Те, кого она потеряла, и те, кого она нашла

И те, кто любил ее больше всего

Те, кого так долго не было

Она не могла вспомнить их имена

Они развернули ее на влажном старом камне

Отвернулась от всей ее печали и боли

И она никогда не хотела уходить, никогда не хотела уходить

Никогда не хотел уходить, никогда не хотел уходить

Они танцевали днем и ночью

Сквозь снег, пронесшийся по залу

Из зимы в лето и снова в зиму

«Пока стены не рухнули и не упали

И она никогда не хотела уходить, никогда не хотела уходить

Никогда не хотел уходить, никогда не хотел уходить

И она никогда не хотела уходить, никогда не хотела уходить

Никогда не хотел уходить, никогда не хотел уходить

Высоко в залах королей, которые ушли

Дженни будет танцевать со своими призраками

Те, кого она потеряла, и те, кого она нашла

И те, кто любил ее больше всего

Мои глаза полны слез, когда он заканчивает свою балладу.

— Это было прекрасно, ваша светлость, — искренне хриплю я, заставляя его смотреть в мою сторону.

— Л-Лианна? — спрашивает он, заставляя мои глаза округлиться.

— Нет, ваша светлость, — нерешительно говорю я. «Это Ашара. Ашара Дейн, — уточняю я.

— Мои извинения, моя леди. Эта песня и твой ответ вызвали воспоминания, которые затуманили мое зрение, — говорит он, указывая на открытое пространство своей скамейки. — Пожалуйста, садитесь, леди Ашара.

Я выполняю его просьбу, и когда я сижу, меня окутывает запах вина, исходящий от короля.

После нескольких мгновений молчания король спрашивает: «Как вы думаете, я поступаю правильно, миледи?»

— Я не знаю, что вы имеете в виду, ваша милость, — смущенно отвечаю я.

— Я говорю об этом путешествии на север. Как вы думаете, это было правильно?» — снова спрашивает он.

— Я думаю, это было ни правильно, ни неправильно, ваша милость, — говорю я, заставляя его лицо исказиться в замешательстве. Я продолжаю: «Север — одно из семи королевств. Если вы чувствуете необходимость или хотите посетить, это ваше право как короля.

— Понятно, — говорит он. — Как вы знаете, миледи, цель путешествия выходит за рамки простого визита. Мой совет разделился по поводу действий, которые я должен предпринять, так что скажешь ты? Если бы вы были в моем совете, как бы вы посоветовали мне вести себя с детьми, когда мы прибудем в Винтерфелл?

Формальный вопрос застал меня врасплох, что, безусловно, связано с обилием вина, которым баловался король. Лично я презираю отношение к принцу Джейхейрису и то, как о нем говорят в столице. Королева и ее семья считают его Блэкфрием, но король не подавляет эти взгляды. Как человека, потерявшего дочь, любовь и целеустремленность, меня вдохновляло то, что застенчивый, послушный принц нарушил несправедливые приказы короля. К сожалению, я не мог высказать свое истинное мнение.

— Я бы отнесся к ситуации деликатно, ваша милость, — твердо говорю я. «Что сделано, то сделано, и они останутся вашими детьми, даже когда уляжется пыль».

«У дракона должно было быть три головы, — бормочет он себе под нос, прежде чем посмотреть мне в глаза, — каким королем я буду, если позволю пренебрегать приказами и оставаться безнаказанными?»

— Понимающий, ваша светлость.

«Понимающего короля можно рассматривать как слабого короля, миледи».

— Сострадание никогда не бывает слабостью, ваша светлость, — торжественно говорю я. — Могу я попросить разрешения задать вам вопрос?

— Конечно, леди Ашара.

— Чего вы пытаетесь достичь в этом путешествии, ваша светлость?

— Вопрос, над которым я размышлял с тех пор, как мы покинули столицу, миледи. Я полагаю, что хочу подтвердить иерархию со своими детьми, но иерархия бессмысленна, если игнорируются приказы начальства. Наказание, безусловно, необходимо, но я не понимаю, каким оно должно быть. Мой совет посоветовал мне приказать им немедленно вернуться в столицу после турнира в честь именин Эйгона, — говорит он, вздыхая и переводя дух. «Я также

хочу посетить статую Лианны в склепах под Винтерфеллом».

Я киваю и отвечаю: «Понятно, ваша светлость».

«Она преследует меня и по сей день», — грустно говорит он. «В королевствах будут говорить о том, что сын волчицы не подчиняется приказам и остается безнаказанным».

— Он был не одинок в своем неповиновении, ваша милость, — говорю я, защищая принца Джейхейриса. Прости, Рейнис .

— Вы имеете на это право, леди Ашара. Как вы думаете, я должен оставить брак в силе?» Он спрашивает.

Этот вопрос заставляет меня содрогнуться, когда я думаю о последствиях принудительного аннулирования. Джейхейрис и Рейнис никогда не оставят это в покое, и, несомненно, будет война. Другая война.

— Без сомнения, ваша светлость, — резко отвечаю я. Возможно, слишком резко, говоря с королем, но я был непоколебим в своих убеждениях по этому поводу.

"Я понимаю. Полагаю, я мог бы лишить их наследства, но на данный момент я не уверен, что это такое. Это было выложено, когда мы занимались помолвками, но это надо переделать, — говорит он тихо, как будто разговаривая сам с собой. «Возможно, я мог бы наказать тех, кто способствовал их общему неповиновению».

— Наказать кого-либо другого, не наказав при этом принца и принцессу, было бы, по моему мнению, серьезной ошибкой, ваша милость.

— Ты так говоришь, потому что действительно так думаешь? — спрашивает он, прищурив глаза. — Или вы так говорите, потому что среди наказанных будет лорд Старк?

Мое сердце замирает, а кровь закипает от оскорбительного вопроса.

Собравшись с духом, я говорю сквозь зубы: «Я говорю это, потому что верю, что это правда».

— Прошу прощения, леди Ашара. Мой вопрос был бестактным, — искренне говорит он, стоя. «Пожалуйста, позвольте мне уйти, я боюсь, что скоро нас ждет раннее утро».

— Спите спокойно, ваша милость.

Глядя, как король уходит, я пытаюсь понять слова, которыми мы обменялись. Как человек, который знает короля Рейгара много лет, его когда-то невозмутимая уверенность, кажется, пошла на убыль, и он, кажется, борется со своей целью. Без установленного курса действий меня преследует страх, что он примет опрометчивые решения, когда, наконец, столкнется со своими детьми.

Я боялся ехать в Винтерфелл много лет, но довольно скоро это случилось со мной.

Черный замок — Джейхейрис Таргариен

Подкладывая еще одно полено к нашему маленькому костру, я молюсь, чтобы холодный ветер не погасил единственный источник тепла в нашем импровизированном лагере.

Гелитокс улетел вскоре после того, как мы спешили, поэтому его теплое присутствие не

могло согреть меня и сира Джейме.

По совету сира Артура мы приняли все необходимые меры предосторожности, чтобы нас не опознали. У каждого из нас были покрытия для голов, что было жизненно важно, чтобы скрыть фирменные золотые волосы Ланнистеров, и у каждого из нас были закрыты наши символы. Мы приземлились после нашего полета на разумном расстоянии от Черного Замка, чтобы нас не заметили, и разбили лагерь на ночь, на случай, если кто-нибудь заметит дракона в небе. Мы придумали для себя предысторию на случай, если нас спросят.

Моя драконья кровь неплохо справлялась с температурой, но холодный ночной воздух был самым холодным из всех, что я когда-либо чувствовал. Пытаясь спать по очереди, ночь была длинной, и когда нас озарило утро, сир Джейме и я оба были измотаны и готовы отправиться в Черный Замок.

После недолгого пути, мучительно бредущего по легкому снегу, мы наконец достигли главных ворот Черного Замка.

— Стой тут, незнакомцы! Охранник кричит на нас. «Назовите себя!»

— Меня зовут Джон Сноу, милорд, — говорю я, скрывая правду. — Моего спутника зовут Джек Риверс. Достаточно распространенные имена .

Он осторожно смотрит на каждого из нас, прежде чем шепнуть другому охраннику.

— Два ублюдка, я вижу, — рычит он. — Ты пришел за черным?

— Нет, мой лорд. Мы пришли поговорить с мейстером Эймоном.

"По какой причине?" — скептически спрашивает охранник.

«Я полагаю, что он обменивался сообщениями с лордом Старком относительно потребностей Ночного Дозора в предстоящей зиме. Нас послали в качестве эмиссаров, чтобы поговорить с ним лично.

«Зачем лорду Старку присылать двух ублюдков в качестве своих представителей?» — спрашивает он, прежде чем взглянуть на сира Джейме. — Ты говоришь или немой?

— Нет, — прямо говорит сир Хайме. — Я просто предпочитаю не тратить время на дурацких охранников. Семь адов, Джейме...

— Что ты сказал, ублюдок?! — сердито спрашивает охранник.

Чувствуя, как в обмене нарастает жар, я делаю шаг вперед и поднимаю руки вверх.

«Я должен извиниться за развязный язык моего спутника. Это, как правило, приносит нам неприятности, чаще, чем я готов признать, — шучу я, небрежно глядя на сира Джейме. — Тем не менее, причина нашего визита остается, и я уверен, что Хранитель Севера будет недоволен, если услышит, что его эмиссары безосновательно торгуются.

— Хорошо, я впущу вас обоих, чтобы не напрягать отношения с Севером, — с горечью говорит охранник. — Однако должен сказать вам, что здоровье мейстера Эймона очень плохое, так что мне придется проверить, возможен ли его визит.

«Этого будет достаточно. Спасибо, милорд, — киваю я.

Ворота начинают открываться, и я чувствую, как выпускаю воздух, даже не осознавая, что задерживаю его.

Блуждающие глаза и шепот подозрительно окружают нас, но после короткой паузы нас сопровождает в покои мастера Эймона чрезвычайно толстый стюард.

Сир Джейме занимает пост снаружи двери, а толстый стюард стучит и медленно открывает дверь.

— Мастер Эймон, вы не спите? — спрашивает толстый стюард.

— Я, — отвечает пожилой мужчина.

— У вас гость, мастер, — говорит он. — Ничего, если я впущу его?

— Кто гость, Сэмвелл?

Войдя в залы, я объявляю себя: «Мастер Эймон, меня зовут Джейхейрис Таргариен, сын Рейгара Таргариена и Лианны Старк».

Глаза толстого стюарда расширяются, а рот зияет.

«За правду? Это действительно ты, племянник? — спрашивает старший мастер.

Название застает меня врасплох, заставляя смеяться, когда я отвечаю: «Да, это я, дядя».

— Иди сюда, мой мальчик. Мое зрение давно подвело меня, так что позволь мне ощупать твое лицо.

Я подхожу к нему, и он начинает проводить своими длинными костлявыми пальцами по чертам моего лица. Толстый стюард неловко шаркает из комнаты, а Эймон напевает под движения его пальцев.

«Ты такой, каким я тебя себе представлял, племянник», — говорит он с беззубой улыбкой. «У меня есть подозрения, но подтвердите для меня. Какого цвета твои волосы и глаза?»

«Мои глаза очень темного оттенка индиго, почти черные в зависимости от освещения, а волосы цвета воронова крыла», — озадаченно говорю я.

— Как я и подозревал, — говорит он с новой беззубой улыбкой. «Я знал, что ты придешь, и так долго ждал встречи с тобой, племянник. Я должен признать, что мой конец близок, я боюсь, но это последнее благословение в моей долгой, долгой жизни.

От его торжественного заявления у меня неожиданно слезятся глаза, но я делаю вдох и успокаиваюсь.

— Как ты узнал, что я приду? — смущенно спрашиваю я.

«О, дорогой племянник, ты не один видишь сны, мой мальчик. Возможно, я давно потерял зрение, но мои сны остаются такими же яркими, как и прежде».

— Ты видел меня во сне? — ошеломленно спрашиваю я.

— У меня было, племянник, много раз. А теперь садитесь, у нас мало времени, а нам нужно

многое обсудить.

Я сажусь в кресло рядом с его кроватью и беру его руку в свою.

— Я могу что-нибудь сделать для вас, дядя?

«Много и мало, племянник, много и мало. Во-первых, вы должны знать, что когда ваш отец был моложе, он часто писал мне о своих поисках исполнения определенного пророчества. Мы обменивались заметками и письмами во время рождения ваших братьев и сестер и даже во время всего восстания. Он оставался непоколебимым в своей преданности и вере до того момента, пока вы не были представлены ему в тронном зале как новорожденный младенец. Это откровение сломало его, и после этого он больше никогда мне не писал».

— Простите, дядя, но я не понимаю, — смущенно говорю я.

«Откровение, что ты родился Джейхейри, а не Висенья, сломало твоего отца. Он отказался от погони за пророчеством, хотя ответ, который он так отчаянно искал, уже был рядом. Ваш отец навлек большой позор на наш Дом, отвернувшись от невинного ребенка, оставшегося без матери. Однако его слабость сделала тебя сильным, дорогой племянник, и мир будет тебе за это благодарен.

"Мир?" — еще более растерянно спрашиваю я. «Почему мир должен быть благодарен?»

«Ты обещанный принц, племянник. У тебя мать льда, отец огня, и ты Песнь Льда и Пламени. Ты принесешь рассвет и спасешь мир от Великих Иных.

С широко раскрытыми глазами спрашиваю: «Что мне делать?»

— Ты узнаешь, когда придет время, мой мальчик. А пока позвольте мне предложить руководство, в котором вы так отчаянно нуждаетесь. Вы храбры, послушны и держите себя в руках, но вы должны убить мальчика, Джейхейриса. Вы должны убить мальчика, а мужчине дать родиться. Скажи мне, ты замужем?

— Я, — прямо отвечаю я. «Я женился на своей сестре, принцессе Рейнис. Хотел бы я сказать, что мы совпали, но, к сожалению, наш отец обручил нас с другими против нашей воли, поэтому мы бежали на Север и поженились под предводительством Древних Богов.

— И она беременна, верно? — просто спрашивает он, демонстрируя еще одну беззубую улыбку.

Мне требуется несколько секунд, чтобы ответить, но я пишу: «О-она. Как ты это узнал?"

— Сны — удивительная вещь, мой мальчик. Король сейчас на пути в Винтерфелл, что вы будете делать, когда он прибудет? Если он хочет положить конец вашему недолгому браку?

— Я отговарю его от обратного, — твердо заявляю я.

«Как следует. Всегда борись за то, во что веришь, защищай тех, кого любишь, и защищай тех, кто не может постоять за себя, племянник. Что вы будете делать, если король захочет наказать вашего ребенка за действия родителей?»

Его леденящий кровь вопрос вызывает у меня на ухо шепот, напоминающий голос моей матери.

Ты знаешь ответ, сын мой.

— Война , — прямо отвечаю я. «Я отказываюсь позволить, чтобы мой невинный ребенок был наказан».

«Правильный ответ, племянник. Война иногда является необходимым злом, и король должен быть готов сражаться, если возникнет такая необходимость. А теперь встань со стула, на котором ты сидишь, и отодвинь его». Вздвигнув, я встаю и делаю, как он говорит. «Хорошо, теперь найди оторванную доску пола и убери ее. Возьми то, что внизу, а потом верни все как было».

Следуя его инструкциям, я нахожу большую деревянную коробку, деревянную коробку поменьше и что-то длинное и тонкое, плотно завернутое в одеяло.

Починив пол и отодвинув стул, я с любопытством спрашиваю: «Что это такое, дядя?»

— Все это теперь твое. Открой каждую из них, племянник.

Внутри меньшего деревянного ящика я нахожу стопку писем и свитков, а также серебряную корону, усыпанную крупными сапфирами. Корона из зимних роз .

Внутри большого деревянного ящика я нахожу белоснежное драконье яйцо, усыпанное ярко-фиолетовыми крапинками. Когда я прикасаюсь к нему, я задыхаюсь, потому что он горячий на ощупь. Яйцо для моего ребенка .

Я чувствую, что изо всех сил пытаюсь сохранить самообладание, когда мои глаза снова становятся слезящимися. Глубоко вздохнув, я подхожу к длинному предмету и начинаю его разворачивать. Когда я сдергиваю одеяло, я вижу тонкий меч с рубиновым навершием, который я видел бесчисленное количество раз на картинах. Темная сестра .

Я начинаю запинаться: «Э-это я-это...»

«Вдохни, племянник», — говорит он, посмеиваясь. «Теперь ты знаешь, что каждый из них представляет и кому принадлежит».

— Откуда у тебя все это, дядя? — с любопытством спрашиваю я.

«Кровавый вор шлет привет», — говорит он с легкой ухмылкой.

— Это невозможно, — ошеломленно отвечаю я.

— Это невозможно, мой мальчик, — говорит он, беря мою руку в свою. «Слушай внимательно, племянник. Бремя на ваших плечах жестоко, и я знаю, что оно сбивает с толку, но вы — надежда, в которой отчаянно нуждается этот мир, чтобы пережить грядущие войны. В нашей кровавой истории были времена, когда наш Дом едва не погиб, и это снова произойдет, если вы не встанете и не будете сражаться, когда придет время. Я так рада, что ты пришел, мой мальчик, но пришло время мне покинуть этот мир. Передай своей жене и ребенку мою любовь, и я скажу твоей матери, как я тобой горжусь, дорогой племянник.

— Ч-что? — смущенно восклицаю я.

«Остерегайтесь ряженого», — бормочет он тихим шепотом, как будто разговаривая сам с собой.

— Нет, дядя, еще нет! — кричу я в панике.

"Яйцо?" — вдруг спрашивает он. «Яйцо, мне приснилось, что я старая».

Это были последние слова Эймона Таргариена, мастера Черного Замка, чьи глаза закрылись, а дыхание медленно остановилось.

В течение дня его тело было сожжено на костре, пока Ночной Дозор отдавал дань уважения.

И вот его Дозор закончился.

Когда мы начали лететь обратно в Винтерфелл, его тяжелые слова быстро крутились у меня в голове, но одна часть выделялась больше, чем другие.

Кто был ряженым?

<http://tl.rulate.ru/book/86558/2767851>